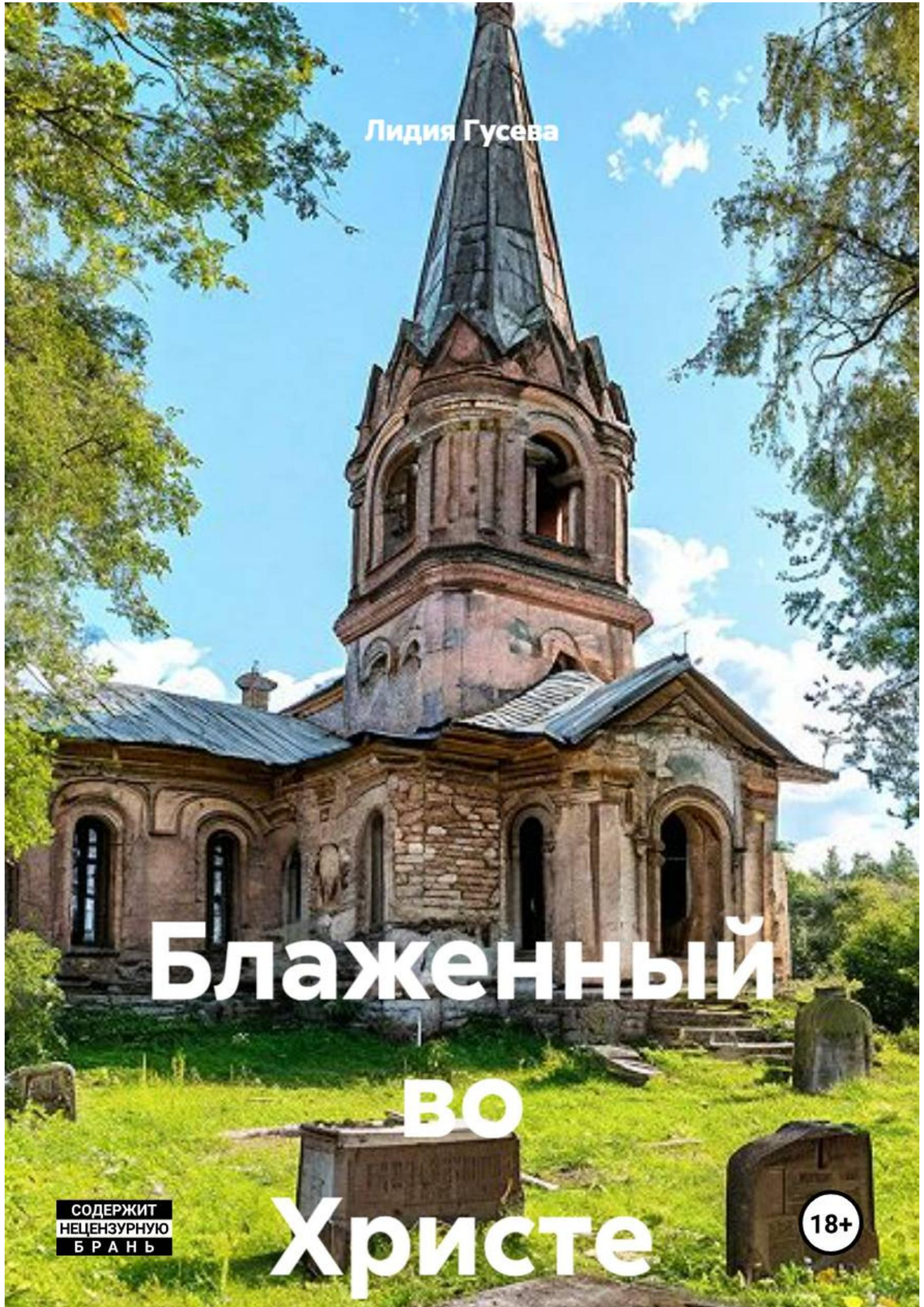

Лидия Гусева

Блаженный во Христе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ли́дия Гу́сева

Блаженный во Христе

«Автор»

2026

Гусева Л. Н.

Блаженный во Христе / Л. Н. Гусева — «Автор», 2026

«Старая Ладога — земля, где история и вера сплетены неразрывно, а каждый камень помнит века. В стенах храма Рождества Иоанна Предтечи покоится блаженный Александр Лосев, живший в XIX веке: долгие годы считалось, что он утонул — эта версия закрепилась даже на надгробной плите. Но кропотливые изыскания открывают иную правду, и она переворачивает всё. За сухими словами на камне прячется живая судьба — человека, который умел сострадать и исцелял не силой, а светом в себе. Повесть ведёт по следам забытых чудес, по узким улицам и дворам, где прошлое не ушло, а лишь затаило дыхание. Что на самом деле случилось с блаженным? И почему правда оказалась опаснее любой легенды? Сочетание документальной основы и художественного осмысления позволяет увидеть в фигуре Лосева не только чудотворца, но и человека своей эпохи — а ещё услышать тихий голос времени, который говорит с нами сквозь столетия».

© Гусева Л. Н., 2026

© Автор, 2026

Лидия Гусева

Блаженный во Христе

Вступление

Всем известно, что земля Старой Ладogi очень богата историей, археологическими раскопками, истинным православием, людьми. Но не все знают, что в стенах храма Рождества Иоанна Предтечи, находится гробница блаженного Александра Лосева, жившего в XIX веке и совершавшего чудеса исцеления. До недавних пор все считали, что Александр Лосев утон сам, так и написано на плите каменного гроба, но по кропотливым изысканиям старых подшивок газет, синодиков и архивов отца Филарета, игумена Никольского мужского монастыря, оказалось, что его убийство было заказано высоким чиновником из Новой Ладogi, которого блаженный Лосев обличал в прелюбодеянии. Небольшая найденная заметка о мученической смерти староладожского блаженного, о которой более ста семидесяти лет не знал народ, еще больше подтолкнула о. Филарета к сбору документов о причислении Лосева к лику святых мучеников Божьих. Тяжелая жизнь Александра Лосева не изобилует фактами, как в принципе и не должно быть у настоящих святых, которые творят свои чудеса «втайне». Но и достаточна, чтобы представить его жизненный путь, который так схож со всеми блаженными, истинными молитвенниками Божьими, чтобы написать художественно-историческую повесть «Блаженный во Христе». Художественное слово глубоко влияет на восприятие и сознание людей, призывает к доброте, миру, созиданию. Хочется верить, что эта повесть найдет глубокий отклик в сердцах людей! Будем надеяться на скорейшее восстановление справедливой исторической памяти староладожского подвижника Божьего и прославление имени его!

Блаженный во Христе

(По мотивам жизнеописания А.В.Лосева)

А взгляд у него до чего умный и глубокий! Посмотришь, враз расплакаться хочется, в ребенка малого превратиться, да как к матери прижаться.

– Сашка, смотри, как курица без головы носится! – старшие братья, увидев на крыльце появившегося младшего, показывали пальцами на бегавшую в агонии по двору пеструшку и хохотали до упаду. Растерянная повариха, у которой выскользнула забитая к обеду курица, тоже гонялась за ней и спотыкалась в своих юбках.

Четырехлетний мальчик ринулся за обезглавленной птицей, догнал, схватил крепко и прижал к груди. Курица обмякла и замолчала. Он побрёл с ней в сарай, располагавшийся рядом с курятником, сидел там, спрятавшись от всех и плакал. Теперь уже братья хохотали над Сашкой.

Узнав о происшедшем, мать отругала детей, нашла Саньку на сеновале и повела в дом. Никакие уговоры, даже сходявшие на крики, не могли отнять у малыша курицу. Мальчик крепко обхватил её словно железными цепями и молчал. Вскоре подошел и супруг из конторы на обед. Елизавета Ивановна не знала, что и сказать, обед не готов, сын не отдает курицу, и вообще с ним не сладишь. Нет, отец не ругался, сделал только выговор кухарке, приказал зарубить еще куру, мол, ничего страшного, он подождет. Подошел к сыну, погладил его по голове, увидел заплаканные глаза.

– Сынок, ну это всего лишь курица. Поди, отнеси ее на кухню Матрене.

Но мальчонка еще сильнее вцепился в тушку и побежал в детскую.

– Не трогайте его, – сказал отец семейства и развернул газету, ожидая запоздавшего обеда. Но на новостях и очерках не мог сосредоточиться. Он вспомнил появление Саньки на

свет. Жена долго мучилась, хотя это был уже их третий ребенок. Василий Лосев не находил себе места, он так ждал долгожданного крика новорожденного. Но вместо этого были слышны только мученические стоны супруги всю ночь. Но наконец под утро все стихло. И тут, как нарочно, зазвенели колокола, призывая к утренней службе. Ужасная мысль пронзила голову отца, что жена скончалась. К счастью, вскоре вышла повитуха, улыбнулась:

– Сын у вас, батенька, – затем добавила, – необычным человеком будет, Божиим. Под звон колоколов родился.

Наконец, бледность стала отступать с лица папаши:

– Не выдумывай, милая, у нас тут в Ростове все Божьи. Вон сколько церквей да монастырей, а монахов, почитай больше населения.

– Не правда ваша, барин, – повитуха загадочно улыбнулась, – ваш мальчик не закричал, как на свет появился. Или молчуном будет, или наоборот, правдуром, правдолюбом Господним. Мы, повитухи, все знаем.

– Хватит тебе гадать, старая, неси уж младенца, у него поди уздечка приросла к языку. Я и то поболее тебя знаю...

Лосев продолжал листать газету, думая о своем:

– Вот, и напророчила повитуха. Растет мальчишка молчуном. Слова у него клещами не вытащишь. Все думает чего-то, да о чем-то. А ведь заговорил, да сразу предложениями, когда ему еще и года не было. Отец вспомнил, когда он однажды зашел уже поздно в детскую, где жена укачивала Сашеньку спать, кормила грудью. А он все не засыпал. Супруг нетерпеливо погладил ее по плечам, затем поцеловал в ушко. Сашка вдруг улыбнулся как-то хитровато, посмотрел на мать и сказал: «Ну иди уж, мам. Я сам засну». Супруги так и остолбенели. Как сами не свои подчинились воле грудничка и пошли из детской. Ну какая тут уж близость после услышанного и увиденного? Всю ночь они проговорили об удивительном ребенке, что он ложку сам схватил в четыре месяца и сам начал ей пользоваться, в то же время уже и на ножки вставал в манеже и многое другое. Все это не укладывалось в мыслях.

Только, когда сын крепко заснул, удалось вытащить курицу из его рук.

Тридцатого мая 1848 года на праздник Троицы в храме Рождества Иоанна Предтечи собралось много народа. Частенько приезжали господа из Новой Ладogi и даже из Санкт-Петербурга. Помещики, купцы, чиновники стояли в первых рядах перед амвоном и солеями, а далее скромно кучковались по мере статуса также служивые, вольнонаемные, и крестьян допускали в притвор или на паперть. Ах, как красиво звучала праздничная литургия, но с некоторых пор Антип не мог переступить порог паперти не только этого храма. Ноги не несли и в Никольский монастырь, ни в Успенский. Стоял всегда поодаль и крестился. А тут прошел слух, что приехал журналист из Петербурга, собирает сведения о жизни блаженного Александра Лосева. Антип – крепостной мужик, ожидал конца службы, чтобы увидеть того писателя и умолить его выслушать. Крестьянин очень волновался, тискал в руках свою шапчонку, шевелил непрерывно губами, как будто твердя какой-то текст. Но вот народ стал постепенно выходить из храма с освященными веточками березы под звон колоколов. Все были радостными и возбужденными, да в предвкушении праздничного обеда, особенно те, кто исповедовался и причащался. Щеголевато, по столичному одетого, высокого мужчину, Антип выделил сразу среди купеческих семейных пар.

– Господи Иисусе Христе, помоги! – с этими словами он поспешил навстречу журналисту. – Ваше благородие, простите за дерзость обратиться к вам, да и стоять подле вас, – крестьянин низко поклонился, – я - Антип, Иванов сын, здешний, из крепостных. Не прогоняйте, извольте выслушать. Только вам я могу поведать все. Только вам рассказать, – заикаясь, но без остановки, твердил свою заученную вступительную речь крестьянин, теребя бедную шапчонку.

– Ну-с, что же ты, Антип, Иванов сын, хочешь поведать мне? Небось, жалобу какую на хозяина своего? Обижает вас?

– Никак нет. Другое. Мучаюсь я. Исповедоваться хочу, да нельзя тут батюшкам, никому другому. Враз зашибут меня. А у меня-то дети малые, да жена хворая, вот даже на службу не пришла, лежит в постели.

– Ну давай рассказывай, коль время у тебя отпущено. Барин не спохватится?

– Нет, говорит в праздник грех работать. Ничего плохого не могу сказать. Не обижает. Он у нас, как отец родной. Это я, барин, плохой. Очень плохой. Не простит мне Боженька грех тяжелый, – тут Антип заплакал детскими слезами.

– Ну пойдем, брат, на источник Параскевы Пятницы, я туда на минуточку собирался. Там и посидим в тишине.

Журналист с тросточкой и кожаной папкой под мышкой начал, не спеша, спускаться с Малышевой горы. За ним засеменял мелкими шажками крестьянин, по роли крепостного, сгорбившись и опустив голову. Наконец, гость из Петербурга, а именно, газетчик Георгий Васильевич Распаев, нашел удобный выступ небольшого камня, вытащил из пухлой папки салфетку, аккуратно постелил, сел, обводя взглядом красивый Волхов:

– Хорошо у вас тут, привольно. – Начал он сам, видя, что крепостной еще не решился завести первым разговор. – Не понимаю, как могла такая святая и многострадальная река забрать вашего блаженного?

При этих словах Антип грохнулся на колени и опять заплакал, как будто даже заскулил по-собачьи. Затем сквозь слезы начали прорываться его отдельные обрывки слов:

– Не сам он, батюшка... Не сам, родимый... Помогли ему, – и он опять захлебнулся плачем.

Георгий Васильевич начал было вытаскивать вторую салфетку, дать ему утереться, но Антип сам уже длинным, широким рукавом рубахи размазывал свои слезы по лицу и бороде.

– Ну-с, ближе к делу. Мое время - ограничено, – нетерпеливо произнес газетчик. – Еще несколько встреч намечено, да и ваш игумен пригласил на праздничный обед. Кто, чем Лосеву помогли?

– Я, ваше благородие, языку-то мало обучен да речам складным, как смогу – уложусь. Некому мне больше покаяться, но, если выдадите меня, то зашибут, завтра же и не будет меня. А у меня детей, семеро по лавкам, супружница хворая. Но без этой правды, я сам скоро сгину, топиться уж хотел.

– Так кто же ему помог? – Еще нетерпеливее спросил Георгий.

– Дык я ему и помог, батюшка. Я! – Антип в первый раз посмотрел открыто в глаза журналисту. – Второго, Кузьмы, уж нет на этом свете, значит, что я теперича один виновный остался... Кузьма-то свояком мне приходился. Был холопом, как и я, да тока в Новой Ладоге у своего барина. Жизнь была у него собачья, из-под розог не вылазил. Приказал ему барин, ценою жизни, погубить нашего отшельника Лосева, Господи, овцу безобидную.

Лицо журналиста менялось с течением рассказа крепостного. Он водил что-то тросточкой по песку и траве.

– И вьелся в кишки ему этот блаженный, ой, грех так мне на баринов сказывать. Лосев-то, Алексашка, его в любовных грехах изобличал. Портил девок с малолетства. Эх... все знали, да молчали, а ведь скока из-за него сгубло. А Сашка наш, умалишенный, как увидит его на службе, так и заведет во весь голос: «Пришел помолиться, а за ним в крови девицы», ну так вроде. Вот и приказал Кузьме избавиться от него. А Кузьма ко мне пришел. Упрашивал в деле быть. Умолял, плакал, Бога-то все бояться. – Тут Антип опять начал слезы лить.

Ну все ясно. Значит, вы его утопили, не сам он утоп, – журналист сам закончил рассказ Антипа и встал резко с камня.

– Все да не все, барин, ты погоди, выслушай дальше.

– Нет, брат, ты ступай, а я уже опаздываю на обед в Никольский. Негоже заставлять себя ждать, тем более игумену. А ты вот что, приходи завтра сюда же на это место. Ежели я не уеду, то дослушаю тебя, хотя мне и так все понятно. Да вот еще что, приехал я о чудесах блаженного расспрашивать, истории всякие, исцеления, а ты мне тут такой криминал заливаешь. Кто это в печать возьмет? Ты хоть головой своей холопией понимаешь, что против денег и власти не попрешь. Хочешь, чтобы меня тоже в суд отдали, якобы за клевету, за непроверенную информацию?

– Не гневись, барин, не хотел я и не хочу, перед Богом клянусь. – Антип начал фанатично креститься. – Хотел токма грех с себя снять, рассказать кому. Не сам он утоп, не сам.

Журналист потер уже озябшее мягкое место, майские камни холодные и поспешил в Никольскую обитель.

Глава 2

У Игумена

Георгий Распаев не ожидал услышать в этой поездке такой горький финал святого. Да, была весть, что пропал он в декабре, а в мае всплыл у берега в Новой Ладоге. Что труп его совсем не разложился, даже после четырехдневного пребывания на берегу. Почему его так долго не хоронили, было тоже для журналиста загадкой. Георгий спустился к Варяжской улице и ускорил шаг. Проходя мимо стен Успенского девичьего монастыря, перекрестился три раза.

– Господи, сколько же здесь церквей и монастырей! Не захочешь, а станешь святым!

Он остановился все-таки на минуту полюбоваться древней крепостью, затем свернул на Никольскую улицу и напрямик в мужской монастырь. Два послушника проводили его в летнюю гостевую трапезную, где за длинным столом уже сидели иеромонахи и гости-благотворители. При входе журналист перекрестился перед образом Спасителя, затем подошел к сидящему в центре настоятелю, поцеловал его руку:

– Благодарствуйте, отец Апполос, за приглашение на трапезу. Счастлив побывать у вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.